

Источники и литература

1. Апинян Т.А. Мифология. Теория и события. – СПб., 2005.
2. Аполлодор. Мифологическая библиотека. – М., 2004.
3. Воеводина Л.Н. Мифология и культура. – М., 2002.
4. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М., 2000.
5. Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. – Петрозаводск, 1991.
6. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1966.
7. Туркина. В.Г. Мифологема героя и массовое сознание. – Саратов, 2001.

Мизрахи М.**КОНЦЕПТ КОММУНИКАТИВНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ПРОЕКТУ ПОСТМОДЕРНИЗМА**

Актуальность данной работы заключается в раскрытии особенностей современных тенденций философской и культурологической мысли. Целью исследования стал анализ концепта коммуникативной рациональности как альтернативы проекту постмодернизма.

Постмодернистский тип философствования закономерно и в то же время парадоксально конструирует постулат о смерти субъекта (Мишель Фуко, Ролан Барт, Юлия Кристева). Посредством этой метафоры постмодернизм, с одной стороны, дистанцируется от понимания субъекта как источника когнитивной активности в классической философии, с другой, – от традиции художественного модернизма, в котором субъект максимально акцентируется. Понятие субъекта в рамках постмодернизма фиксирует представление о продукте расщепленной, проблематизированной действительности. В трактовке французского философа Ги Дебора постмодерная действительность – это череда спектаклей. Субъект-зритель – не более чем фальсификация субъекта, он всего лишь продукт данного спектакля, вне представления не имеющий реальности, истины, возможности переживать и действовать. Квази-субъект может лишь при некоторых обстоятельствах выполнять функцию субъекта. Предельно упрощая, можно сказать, что постмодернизм производит редукцию субъекта до носителя самодовлеющей реальности языка. Как пишет Илья Петрович Ильин, в рамках постмодернизма «философия как таковая стала проблематичной, превратившись в "вопрос о возможности вопроса", о "смерти субъекта", о превращении абсолютного знания в закрытую самодостаточную структуру, не способную критически осмыслить свою ограниченность и относительность» [1, с. 179]. Проблема, осознанная постмодернизмом, в границах постмодернистской научной парадигмы не была решена.

Немецкий социолог и философ Юрген Хабермас, наблюдая развитие постнеклассической философии извне, фиксируя его как становление «нового консерватизма», выступил с острой критикой теорий постмодернизма.

Согласно Хабермасу, парадокс постмодернизма, обусловивший его несостоятельность, заключается в том, что эта философия акцентирует внимание на необходимости отторжения эстетического модерна, но при этом является реакцией на общественную модернизацию, «которая под натиском императива экономического роста и достижений государственной организации все глубже вмешивается в экологию органических жизненных форм, в коммуникативную внутреннюю структуру исторических жизненных миров» [2, с. 16]. Культурный кризис, по мнению Хабермаса, стал результатом не распространения эстетической программы модернизма, но односторонней рационализации (экономической и административной), подчинившей себе и те сферы жизни, которые должны быть подчинены коммуникативной рациональности, в том числе и сферу трансляции культурных ценностей.

Таким образом, полемизируя с «новым консерватизмом», Хабермас обращается, в первую очередь, к выявлению имманентных противоречий модерна. Проект модерна привел к умышленному своеволию когнитивных структур внутри автономных сфер науки, морали и искусства, к утрате отношения к целому (наиболее очевидно это проявилось в сфере искусства). Хабермас констатирует: программа Просвещения превратилась в программу упразднения.

Незавершенный проект модерна нуждается в переосмыслении и доработке, состоящей в принципиальной трансформации модернистской рациональности, в рамках универсальной прагматики. В основу этой трансформации должна быть положена структура межличностного общения, «интеракции», коммуникативного поведения, стоящего, безусловно, выше субъект-объектной инструментальной рациональности. Коммуникативная рациональность предполагает поиск «интерсубъективного согласия», постулирует безапелляционное принятие другого в качестве самодостаточной ценности, ориентирует на экзистенциальное взаимодействие между коммуницирующими сторонами, посредством которого происходит понимание. По своей сути интерсубъективное согласие не статично, оно подразумевает движение в направлении взаимопонимания. Это движение и есть условие нормальной коммуникации, которая не сводима к передаче сообщения, но является медиативной игрой на границе априорного и апостериорного и частью социального действия.

Под коммуникативной рациональностью подразумевается неявное рациональное начало, определяющее коммуникативные практики повседневности и противостоящее когнитивно-инструментальной редукции разума. Коммуникативное действие нацелено на преодоление расхождений и достижение согласия в плане выражения «жизненного мира» (коммуникативного опыта, культурной традиции, структур личности и общества). Развитие коммуникативного действия определяется рационализацией, которую задавал проект модерна. Задача современной философии, следовательно, – актуализировать проект модерна и соответ-

венно рационализацию коммуникативного действия, чтобы способствовать становлению общества истинного согласия. Коммуникативная рациональность позволяет нивелировать дискретность культурного развития и трансляции ценностей культуры. Хабермас утверждает, что суть коммуникативной рациональности состоит в объединяющей силе, которая ориентирована на взаимопонимание речи, при этом гарантирует участвующим в разговоре intersubjectively разделяемый жизненный мир и, следовательно, горизонт, благодаря которому все они могут устанавливать отношения к одному и тому же объективному миру.

На фоне целого спектра коммуникационных проблем, связанных с изменением места и роли коммуникации и коммуникативных технологий в различных общественных сферах, с так называемым взрывом коммуникации и со значительными переменами в образе культуры, принимаемом в качестве совокупности коммуникативных процессов, концепция Хабермаса представляется очень продуктивной. При этом Хабермас не защищает атакуемый постмодернизмом концепт субъекта как сознательной, автономной и самоуправляющейся структуры, но противопоставляет аргументирующий разум и intersubjectively коммуникативный экспериментальным авангардным стратегиям.

Следует отметить, что концепт коммуникативной рациональности Юргена Хабермаса примыкает к другим попыткам генерировать теории преодоления кризиса фрагментированного субъекта, утраты идентичности. В подобных философских исследованиях очень ясно обозначается коммуникативный вектор. Новая философия, реконструируя философский опыт модернизма, так или иначе, обращается к проблемам диалога как способа возврата к самотождественности и возможности истинного согласия, реабилитирует понятия рациональности и нормативности.

Несомненно, концепт коммуникативного действия и развернутая критика постмодернизма в работах Хабермаса задают тон западной философии вне постмодернизма. Да и собственно постмодернизм часто обращается к философии Хабермаса, так как его прочтение постмодернистских текстов отличается глубиной и всесторонностью анализа, что говорит в пользу его вразумительной и аргументированной критики, основанной на согласии с постмодернистской позицией положения в основу рассуждений не когнитивных теорий или формальной лингвистики как автономного проблемного поля, а осмысления эпохи модернизма разными социальными практиками и институтами. В этом отношении хабермасовское касательство intersubjectively коммуникативных коммуникаций помогает очистить площадку, на которой развернулись модернистско-постмодернистские дебаты.

Источники и литература

1. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М.: Интрада. - 1998.
2. Хабермас Ю. Политические работы. – М.: Праксис, 2005.

Москаленко Л.Б.

КУЛЬТУРА «ЗДЕСЬ-СЕЙЧАС» КАК СИМУЛЯКР

Культура последних десятилетий представляет культуру «здесь-сейчас», для этого новейшего типа культуры определяющим фактором остается скорость изменений, введение инноваций и их устаревание. Чем выше скорость изменений, тем динамичнее развивается культура. Культура «здесь-сейчас» определяется иными ритмами, нежели локальные и закрытые, удаленные во времени «мертвые» культуры или традиционные, сопротивляющиеся всяким изменениям, как угрозе национальной и этнической идентичности. Очевидна характерная черта современной культуры – неустойчивость. Современные культурные процессы сверхдинамичны, культура оказалась вне времени, мы не можем уловить ее «гештальт». При анализе современной культуры мнение исследователей совпадает и объединяется темой роста реального. Нарастает умножение образов реального и возникает вопрос, нет ли в этом многообразии новых реальностей монотонности, повтора того же самого, или действия такого аттрактора, который подчиняет своей могущественной орбите все другие... Создается иллюзия недоступной Реальности, но не становится ли иногда Реальность «странным аттрактором», удерживающим свойства, остающиеся непостижимыми. Раз реальность недоступна, то ее нет, и так было всегда.

«Странный аттрактор» - термин физики. Следует определить, насколько правомерно введение подобного термина в изучение динамики культурных процессов, прояснить его связь с понятием симулякра. Если такой аттрактор существует в культуре, то мы все более удаляемся от реальности, в которую вовлечены все смертные существа. Реальность – не то, что на самом деле случилось, но то, что воспринимается как случившееся. Реальность – это хаос, где царствуют «странные аттракторы», они не столько вносят порядок в хаос, сколько хаотизируют любые формы упорядоченности. Порядок, имманентный реальности, залегает на такой глубине явлений, которая может оказаться недоступной конкретным методологиям (герменевтике, к примеру), на первый план выступают новые средства исследования (например, синергетика). Истина не может быть реальностью, в этом случае утвердился порядок вместо хаоса и делает порядок изначальным условием. Истину следует относить к реальному, необходимо научиться не смешивать реальное и реальность.

Все, что не есть культура - реальность, но как узнать, что не есть культура? Та или иная культура не может казаться непроницаемой, как традиционная культура, религиозная секта, тайные общества и прочее. Говоря о реальности, мы имеем в виду не то реальное, что производит культура, а то, что ею не может быть